

18+

СЛЕДЫ НА СТРАНИЦАХ ТИШИНЫ

A woman with dark, wavy hair and a light-colored dress is holding a glowing, open letter. The letter is illuminated from within, casting a warm light. She is standing in a workshop or library, with various tools and books visible in the background. The scene is dimly lit, with the primary light source being the glowing letter. The woman's expression is one of focus and discovery. The background shows shelves filled with books and a desk with various tools, including brushes and a small container of ink. The overall atmosphere is one of mystery and discovery.

Алиса
Сожженные письма
Том 1

Светлана Павленко

Светлана Павленко

**Следы на страницах тишины.
Том 1. Алиса. Сожженные письма**

«Издательские решения»

Павленко С.

Следы на страницах тишины. Том 1. Алиса. Сожженные письма /
С. Павленко — «Издательские решения»,

«Следы на страницах тишины» — это пятитомная художественная автобиография, где жанр каждого романа соответствует стадии внутренней трансформации личности. Книга работает как живой организм, читатель не наблюдает за историей, а вступает в резонанс с ней. Символы становятся проекциями его собственного бессознательного, описания воздействуют на сенсорный опыт. И начинается инициация, которую современный мир перестал давать

© Павленко С.

© Издательские решения

Содержание

СЛЕДЫ НА СТРАНИЦАХ ТИШИНЫ	6
ТОМ 1 — АЛИСА. СОЖЖЁННЫЕ ПИСЬМА	6
Содержание	6
Пролог. Обугленный конверт	7
Часть 1. Музей как склеп	7
Часть 2. Дома, под одеялом	9
Часть 3. Утро и разговор с Николаем	11
Глава 2. Там, где тени обретают голос	13
Часть 1. Утро, которое изменило всё	13
Часть 2. Встреча в тумане	14
Часть 3. Мастерская «Силуэты времени»	14
Часть 4. Тайны мастерской	17
Часть 5. В подвалах музея	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Следы на страницах тишины Том 1. Алиса. Сожженные письма

Светлана Павленко

© Светлана Павленко, 2026

ISBN 978-5-0070-4392-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-4394-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛЕДЫ НА СТРАНИЦАХ ТИШИНЫ

ТОМ 1 — АЛИСА. СОЖЖЁННЫЕ ПИСЬМА

Иногда, чтобы найти свет, нужно сжечь всё, что тебя держит

Содержание

Пролог. Обугленный конверт

Глава 1. Там, где тени обретают голос

Глава 2. Там, где кончаются отражения

Глава 3. Там, где рождаются звёзды

Глава 4. Там, где плачут мёртвые звёзды

Глава 5. Там, где вопросы становятся оружием

Глава 6. Там, где молчание становится революцией

Глава 7. Там, где пустота обретает голос

Эпилог. Невидимые чернила

Пролог. Обугленный конверт

Часть 1. Музей как склеп

Музей занимал здание бывшего монастыря Святой Люсии, построенного в середине XVIII века на средства купца Ермолаева, того самого, чьё имя потом встречалось в старых архивах, перевязанных бечёвкой. Трёхэтажное строение из тёмно-серого камня с узкими окнами-бойницами, оно больше походило на крепость, чем на обитель молитвы. Шпиль колокольни, увенчанный флюгером в виде архангела, давно лишился позолоты и теперь торчал ржавым пальцем, указующим в небо, которое над этой частью города всегда казалось низким и тяжёлым.

Алиса знала здесь каждый угол. За семь лет работы реставратором она исходила все коридоры, подвалы, чердаки. Знала, где скрипят половицы, где витражи пропускают свет особенным образом — например, в зале святой Люсии, чьи выколотые глаза всё равно, казалось, следили за посетителями. Знала трещину в форме сердца на ступенях парадной лестницы — говорят, её оставил каблук невесты, убегавшей от венца в позапрошлом веке. Знала пятно от вина на паркете бального зала — след скандала, разразившегося в 1912 году, когда купеческая дочь танцевала с офицером, а жених стрелялся на рассвете. Эти истории хранились в музейном фольклоре, передавались от зрителя к зрителю, обрастая подробностями, но Алиса любила их именно за непроверяемость. В них можно было верить или не верить — как в сказки.

Но настоящим её царством был подвал. Туда не водили экскурсии, там не висели таблички с названиями залов. Подвал представлял собой лабиринт коридоров, уходящих в разные стороны под всем зданием. В советские времена здесь хотели устроить бомбоубежище, даже проложили вентиляцию, но потом бросили. Теперь тут хранились вещи, не попавшие в экспозицию: разбитые статуи, портреты с подрезанными холстами, сломанная мебель, ящики с черепками амфор, коробки с истлевшими знамёнами. Воздух здесь был густой, как сироп из забвения — пахло сыростью, плесенью, старой бумагой и ещё чем-то сладковатым, похожим на ладан, хотя ладан в этих стенах не курили уже лет сто.

Реставрационная мастерская находилась в самом сердце подвала, в комнате без окон, где единственным источником света служили мощные лампы дневного света, заливавшие всё мертвенно-белым сиянием. Стены здесь были выкрашены в серый, вдоль них тянулись стеллажи с инструментами, химикатами, образцами тканей. В центре стоял большой мраморный стол — холодный, гладкий, с разводами от пролитых когда-то реактивов. На этом столе и лежало платье.

Белый муар эпохи бидермейер, 1840-е годы. Тайник в заброшенном поместье под Гатчиной, куда музейные экспедиции наведывались раз в пятилетку. Платье было в хорошей сохранности — удивительно, учитывая, сколько лет оно пролежало в сундуке. Ни моли, ни плесени, только лёгкая желтизна на складках да несколько тёмных пятен, происхождение которых предстояло выяснить. Но главное — вышивка. Акониты. Бордовые, фиолетовые, почти чёрные цветы, тянущиеся вверх по лифу, обвивающие рукава, спускающиеся к подолу. Аконит — цветок яда и вечной тоски. В викторианскую эпоху его часто вышивали на траурных платьях, но здесь он смотрелся иначе — вызывающе, почти эротично. Будто женщина, носившая это платье, не скорбела, а бросала вызов.

Алиса включила ультрафиолетовую лампу. Ткань засветилась голубыми прожилками — и вдруг проступили строки, вышитые нитями-невидимками: «Любовь, что движет солнце и светила...» Из «Божественной комедии». Сердце ёкнуло. Она провела пальцами по буквам —

нити были тонкими, шёлковыми, выцвели почти до прозрачности, но в ультрафиолете читались отчётливо. Кто и зачем вышел это? И почему именно эти слова?

— Идеально, — прошептала Алиса, надевая белые перчатки. Пальцы, тонкие и бледные, как стебли мандрагоры (так говорил Коста, когда целовал их в библиотеке), скользнули по ткани. Она всегда начинала с карманов. Люди прошлого оставляли там обрывки жизни: театральные билеты, засушенные розы, монеты со стёртыми лицами королей. Правый карман — пусто. Только игла с обрывком нити, воткнутой в ткань изнутри. Кто-то торопился, укололся, оставил каплю крови, теперь тёмную, как запёкшаяся тайна. Алиса взяла иглу — стальная, ручнойковки, такие делали в позапрошлом веке. Положила в чашку Петри, потом опишет в отчёте.

Левый карман был зашит. Грубыми стежками, небрежно, будто в спешке. Никакой художественной ценности — просто зашить, спрятать. Алиса нахмурилась. Она сфотографировала шов на телефон и отправила Глебу, единственному другу-медиевисту, который вечно сидел в архивах и отвечал на любые вопросы, связанные со стариной. Ответ пришёл через

минуту:

«Это проективное шитьё. Так защищали любовные письма от чужих глаз. Или доносы. Но твой экземпляр... странный. Видишь третий символ? Это модифицированная „вольта“ — знак перерождения. В средневековых bestiaries так обозначали феникса».

Алиса всмотрелась в стежки. Действительно, если присмотреться, они складывались в некий узор, напоминающий птицу с расправленными крыльями, охваченную пламенем. Феникс. Перерождение.

Ножницы вошли в ткань с тихим вздохом — так вздыхают во сне, когда снится что-то тревожное. Шов расползлся, выпуская запах. Не просто старой бумаги — сгоревшей. Смесь ладана и серы, какой-то сладковатой горечи. Алиса невольно отшатнулась. Внутри лежал конверт. Обугленный по краям, будто его выхватили из пламени в последнюю секунду, когда огонь уже лизал бумагу, но не успел уничтожить. Сургучная печать была тёплой — Алиса коснулась и отдернула руку: горячо. Совсем горячо, как будто её только что поставили.

Она поднесла конверт к лампе. Сквозь полупрозрачную, обугленную по краям бумагу проступили буквы. Изломанные, как кости на костре, почти стёртые огнём, но всё ещё читаемые:

«Я жду тебя там, где светятся переплёты...»

Фраза обрывалась. Дальше бумага обгорела так, что не осталось даже намёка на продолжение. Алиса перевернула конверт. Печать — расплавленный сургуч с оттиском: крылатая змея, обвивающая посох. Кадуцей? Но крылья не такие, как у обычного кадуцея — они больше похожи на драконы, перепончатые. Змей с крыльями — редкий символ. В античности так изображали демонов. В христианстве — падших ангелов.

Сердце пропустило удар. Точно такое же кольцо было у Косты. Он носил его на мизинце, когда они впервые встретились в университетской библиотеке, споря о переводах Камю. «Миф о Сизифе», «Бунтующий человек». Коста утверждал, что Камю слишком рационален, что за абсурдом всегда стоит что-то ещё. Она смеялась, называла его мистиком. А он крутил кольцо на пальце, и змея поблёскивала в свете ламп.

— Совпадение, — прошептала Алиса, но пальцы уже дрожали.

Дождь за окном усилился. В подвале его не было слышно, но она знала — там, наверху, вода барабанит по крыше, стекает по водосточным трубам, заливая асфальт. А здесь, внизу, только тишина и запах гари, который, казалось, становился сильнее.

Она достала лупу. Буквы под увеличением оживали, превращаясь в дороги: «ж» — тропинка через лес, «у» — колодец с забытыми желаниями, «д» — дом с распахнутой дверью. Почерк был мужским, твёрдым, с наклоном вправо — человек уверенный, возможно, даже

самоуверенный. Но последние штрихи слова «переплёт» смазались, будто рука дрогнула. Или его отвлекли. Или письмо вырывали из рук.

Она закрыла глаза, и сразу всплыло: крыша университетской библиотеки. Они туда забрались через чердак, Коста знал ход. Ветер рвал со стен афиши с названиями несуществующих спектаклей: «Вишнёвый сад» в постановке сумасшедшего режиссёра, «Гамлет» с одним актёром. Коста прижимал её ладонь к своей груди, сердце билось часто-часто. «Ты чувствуешь? Мы как параллельные строки в книге — никогда не встретимся, но без нас история рассыплется». Она тогда засмеялась, назвала его романтическим идиотом. А теперь, спустя три года молчания, эти слова обожгли по-новому.

В подвале запахло дымом. Настоящим, едким, режущим глаза.

Алиса резко обернулась. На столе, где секунду назад лежал конверт, теперь тлел уголок бумаги. Огонь лизал строки голубым языком — холодное пламя, почти невидимое. Буквы светились изнутри, как проводки в темноте. Она задула пламя ладонью, обожглась, вскрикнула. Когда дым рассеялся, на обгоревшем месте проступила новая фраза:

«Ищи не меня, а то, что от тебя прятали»

Сердце колотилось в висках. Алиса отшатнулась, ударилась спиной о стеллаж, банки с реактивами звякнули. Это было невозможно. Сумасшествие. Галлюцинация от недосыпа и десятичасового голода. Она судорожно запихала конверт в сумку, сбила стакан с водой, промочила рукав. Бежала по коридорам, не замечая, как зрители перешёптываются у «Портрета дамы с горностаем», как её белый халат машет рукавом-крылом.

Николай окликнул её в вестибюле:

— Алиса! Ты чего?

— Ничего, — выдохнула она, не останавливаясь. — Потом.

И выбежала под дождь.

Часть 2. Дома, под одеялом

Квартира встретила её тишиной и запахом одиночества. Три комнаты, доставшиеся от бабушки, с высокими потолками и старым паркетом. Алиса жила здесь одна с тех пор, как развелась. Муж не выдержал её молчания, её уходов в себя, её вечных разговоров о прошлом. «Ты живёшь не со мной, а с призраками», — сказал он напоследок и ушёл. Наверное, был прав.

Она заперла дверь, бросила сумку в прихожей, прошла в спальню. Рухнула на кровать, даже не разувишись. В наушниках заиграл Моцарт — «Реквием», Лакримоза. Только Моцарт заглушал мысли, только его музыка могла заполнить ту пустоту, которая образовалась внутри после ухода Косты.

Она достала конверт. Теперь, при свете настольной лампы, он выглядел обычно — старый, обгоревший по краям, но без всяких признаков жизни. Буквы не светились, запах дыма исчез. Только ожог на пальце — там, где коснулась пламени, — странно поблёскивал в темноте, складываясь в причудливый узор, похожий на букву «Ж» или на тропинку, уходящую в лес.

Она разглядывала его, и перед глазами всплывали картины прошлого.

Коста появился в её жизни на втором курсе. Она писала курсовую по Камю, он — по мистикам Серебряного века. Столкнулись в отделе редкой книги, оба тянулись к одному тому — «Божественная комедия» с иллюстрациями Доре. Он взял книгу первым, она возмутилась: «Я первый!» Он улыбнулся: «Девушки пропускают вперёд только в очереди за счастьем. А книга — это серьёзно». Так и познакомились.

Он был странным. Учился на философском, но подрабатывал в типографии — любил запах краски и бумаги. Носил старомодное пальто и кольцо с крылатой змеей на мизинце. На вопросы о кольце отшучивался: «Подарок прабабушки, она была ведьмой». Жил в коммуналке

на Петроградской, где в коридоре стояли сундуки с книгами, а на кухне вечно спорили о политике. Алиса пропадала у него днями, слушала его бесконечные рассказы о гностиках, алхимиках, о тайных обществах, которые управляют миром. Она смеялась: «Ты веришь в заговоры?» Он серьёзно отвечал: «Я верю в то, что мир сложнее, чем кажется. И что мы — часть какой-то большой истории, которую пишут не люди».

Тот вечер на крыше... Они часто туда лазили. Библиотека закрывалась в десять, а им не хотелось расходиться. Он знал ход через чердак — надо было отодвинуть старый шкаф и пролезть в слуховое окно. Там, на плоской крыше, они сидели, свесив ноги в пропасть двора-колодца, и смотрели на звёзды, которых из-за городского света почти не было видно.

— Знаешь, почему люди перестали видеть звёзды? — спросил он однажды.

— Световое загрязнение, — ответила она, как примерная студентка.

— Нет. Они перестали верить, что звёзды могут говорить. Раньше по ним читали судьбы, предсказывали будущее. А теперь... просто точки.

Он поджёг уголок газеты, которую держал в руках. Пламя побежало по бумаге, и вдруг на обгоревшем крае проступили

слова: «Ищите меня в дыме». Алиса ахнула.

— Это типографская краска, — объяснил он. — Она содержит особые компоненты. При нагреве проявляются скрытые знаки. Так делали в древности, чтобы передавать тайные послания.

— А здесь что за послание?

— Не знаю. Газета старая, двадцатых годов. Может, чья-то шутка. А может...

Он не договорил. Гудок поезда заглушил конец фразы.

Алиса часто вспоминала тот вечер. И кольцо. И его слова о том, что змеи сбрасывают кожу, чтобы забыть. И то, как он исчез. Просто перестал отвечать на звонки, сообщения. Его комната в коммуналке опустела, соседи сказали, что съехал, не прощаясь. В университете — академический отпуск, адреса нет. Как сквозь землю провалился.

Она искала. Полгода. Потом перестала. Смирилась. Или сделала вид, что смирилась.

В три часа ночи запах палёной бумаги стал невыносимым. Алиса резко села на кровати, сдёрнула наушники. В комнате было темно, только фонарь за окном отбрасывал жёлтые блики на стену. Конверт лежал на подушке рядом с ней. Нетронутый. Целый. Но от него шёл тонкий дымок — прозрачный, едва заметный, пахнувший ладаном.

Она вскочила, подбежала к зеркалу в ванной. Зеркало было запотевшим — хотя она не принимала душ, вода была холодной. На стекле, покрытом влагой, кто-то написал пальцем:

«Начни с Пункта 7»

Алиса смотрела на буквы, и они расплывались, стекали каплями. Она провела рукой по стеклу — стёрла надпись. Но пальцы ощутили холод, идущий от зеркала, будто за ним была не стена, а бездна.

За окном завыл ветер. Так воют только в старых фильмах ужасов — протяжно, тоскливо, как голос потерянной души. И Алиса впервые за три года позволила себе заплакать. Не от страха. От странного, мучительного облегчения. Кто-то — или что-то — наконец заставил её перестать бежать по кругу. Как в той сказке, которую мама читала в детстве: «Чтобы найти выход из лабиринта, нужно коснуться стены. Даже если она обжигает».

Она коснулась.

Часть 3. Утро и разговор с Николаем

Утро выдалось серым, тяжёлым. Алиса не спала, но чувствовала странный прилив сил. Конверт лежал в сумке, ожог на пальце поблёскивал, как маленький маячок. Она решила: первым делом покажу Николаю. Он старше всех в музее, знает всякие легенды.

Николай сидел в своей «галерее безумия» — так он называл коридор №3, где висели «неудачные» картины. Портрет купчихи с тремя носами, пейзаж с летающими коровами, натюрморт с рыбой, у которой человеческие глаза. Он протирает пыль с очередных часов — на этот раз в форме гроба.

— Ты сегодня бледнее обычного, — хрипло заметил он, не оборачиваясь. — Опять не спала?

— Реставрировала шпалеру с единорогом. Он плакал кровавыми слезами.

Николай засмеялся — резко, как скрип несмазанной двери.

— Знаешь, почему я собираю сломанные часы? — спросил он, поворачиваясь. — Потому что в трещинах живут истории, которые никто не успел дописать. Целые часы тикают себе и тикают, время идёт, всё как у людей. А сломанные — они застыли в моменте. И этот момент можно разглядывать вечно.

Алиса показала ему конверт. Николай взял его, долго вертел, поднёс к свету, понюхал.

— Откуда это?

— Нашла в платье. В кармане.

— В платье с аконитами?

— Вы знаете про платье?

Николай кивнул.

— Это платье Софии Ермолаевой. Жены того самого купца, что строил этот монастырь. Вернее, перестраивал под музей. История тёмная. Говорят, она сбежала с любовником, а он её проклял. Или она сгорела в пожаре. Или утопилась. Много версий.

Алиса смотрела на конверт.

— А это? — она показала печать.

Николай долго молчал, потом достал из кармана очки, надел, снова рассмотрел.

— Знак Братства Пламени, — сказал он тихо. — Легендарное общество алхимиков-переплётчиков. Верили, что огонь — портал в иные миры, что через книги можно путешествовать во времени. В девятнадцатом веке о них ходили слухи. Говорят, они сжигали свои творения, чтобы освободить души, запертые в словах.

— И что с ними стало?

— Хуже. Они научились гореть, не умирая. — Николай щёлкнул крышкой часов. — Их пепел до сих пор летает в дыме фабричных труб. Ищут тех, кто сможет их собрать.

Алиса почувствовала холодок.

— А что значит «Пункт 7»?

— Не знаю. Но в старых картах города иногда встречаются такие пометки. Места силы, где истончаются границы. Будь осторожна, Алиса. Некоторые двери лучше не открывать.

Она поблагодарила его и ушла, чувствуя, что разговор только умножил загадки. Конверт жёг карман, и надпись на зеркале не выходила из головы: «Начни с Пункта 7».

Выйдя из музея, она остановилась на ступенях. Дождь кончился, но небо оставалось свинцовым. Где-то далеко, над крышами, кружили вороны. Одна из них вдруг спикировала вниз, чуть не задев её крылом, и уронила что-то чёрное. Перо. Оно упало прямо к ногам.

Алиса подняла его. Чёрное, с золотым отливом. Такое же, как вчера дал Песочный человек. Или не вчера? Она уже начинала путаться во времени.

Она сжала перо в кулаке и пошла в сторону старого парка. Туда, где на карте был отмечен Пункт 7.

Глава 2. Там, где тени обретают голос

Часть 1. Утро, которое изменило всё

Алиса проснулась от странного чувства, будто за ней кто-то наблюдает. Комната была залита серым предрассветным светом, за окном моросил дождь, и капли стекали по стеклу, искажая очертания домов напротив. Она лежала неподвижно, прислушиваясь к себе. Ожог на пальце пульсировал — не больно, а ритмично, как крошечное сердце. Она поднесла руку к лицу: за ночь узор стал чётче, теперь это была не просто спираль, а что-то похожее на карту с извилистыми линиями.

Конверт лежал на тумбочке. Алиса протянула руку, взяла его — бумага была тёплой, будто её только что держали в руках. Она развернула письма, разложила их на одеяле. Семь листов, семь посланий из прошлого. Запах гари почти исчез, но, если поднести бумагу близко к носу, можно было уловить что-то сладковато-горькое, похожее на ладан.

Первое письмо, самое короткое, почти полностью сожжённое: *«Дорогая С., если ты читаешь это, значит, огонь не смог убить правду. Они следят за мной. Вчера в мастерской я нашёл перо ворона, воткнутое в дверь — знак того, что моё время истекло. Но я должен закончить Карту...»*

Кто такая С.? София? Имя матери — Светлана, но её никогда не называли С. Алиса перебрала в памяти всех знакомых, но никто не подходил.

Второе письмо — рисунок башни с двойной спиралью лестницы. Подпись: *«Там, где пересекаются тени»*. Башня напоминала старые водонапорные башни, которые ещё можно было найти в промышленных районах города, но спираль... Что-то в этом рисунке казалось знакомым.

Третье — ноты. Алиса разбиралась в нотах: детство в музыкальной школе, виолончель, которую она ненавидела и любила одновременно. Здесь был вальс, но вместо диезов стояли крошечные змейки. Она попробовала напеть мелодию — звучало странно, минорно, с неожиданными переходами.

Четвёртое: *«Они говорят, я сошёл с ума. Но разве безумие — не единственный способ увидеть истину? Сегодня в зеркале я заметил, что моё отражение моргает на секунду позже...»*

Пятое было пустым, но, когда Алиса поднесла его к настольной лампе, на бумаге проступили бледные линии, складывающиеся в слова: *«Спасение в дисгармонии»*.

Шестое — зачёркнутое стихотворение. Она долго всматривалась в перекрещенные строки, пытаясь разобрать хотя бы отдельные слова: *«...пламя... ...ключ... ...возвращайся...»* И клякса в форме крыла, похожая на птицу или ангела.

Седьмое — чистый лист с единственной каплей воска. Красного, как кровь.

Алиса откинулась на подушку. Мысли путались. Коста, его кольцо, его исчезновение. Мать, её странная смерть (несчастный случай, сказали тогда, упала с лестницы в библиотеке). Отец, который ушёл, когда ей было шесть, и о котором она ничего не знала. Все эти призраки прошлого вдруг ожили, зашевелились, требуя внимания.

За окном зашумел ветер. Алиса встала, подошла к окну. Город

просыпался: первые трамваи гремели на поворотах, дворники уже шуршали мётлами, собирая мокрые листья. Она смотрела на эту привычную картину и чувствовала: сегодня что-то случится. Что-то, что перевернёт её размеренную жизнь.

Она оделась, сунула конверт в сумку и вышла. Ноги сами понесли её в сторону центра.

Часть 2. Встреча в тумане

Город тонул в сером мареве. Туман, редкий для этого времени года, выползал из подворотен, клубился под ногами, обволакивал фонари, превращая их свет в размытые оранжевые пятна. Алиса шла по Невскому, но не узнавала улицу: витрины казались чужими, вывески — незнакомыми. Прохожие возникали из тумана и тут же исчезали, как призраки.

Она остановилась на перекрёстке, пытаясь понять, где находится. Вокруг не было ни одного ориентира — только серая пелена. И вдруг из этой пелены выступила фигура.

Высокий человек в длинном плаще, капюшон скрывал лицо. Плащ был странным — он словно соткан из теней, переливался, менял очертания. Но самое необычное было другое: из-под капюшона струился песок. Мелкий, золотистый, он сыпался на асфальт, смешивался с дождём и тут же исчезал, не оставляя следов.

Алиса замерла. Сердце колотилось где-то в горле, но страха не было — только оцепенение и жгучее любопытство.

— Ты теряешь части себя, — произнёс незнакомец. Голос звучал как шелест страниц, переворачиваемых ветром. — Но это не страшно. Пустота тоже может стать оружием.

Он протянул руку. На ладони лежало чёрное перо, по краю покрытое золотом. Такое же Алиса видела во сне — или не во сне?

— Зачем вы преследуете меня? — спросила она, удивляясь собственной смелости.

— Не я выбираю, кого преследовать. Время — река, а я лишь собираю то, что оно выносит на берег. — Фигура склонила голову, и из-под капюшона блеснули глаза — без зрачков, белые, как у статуй. — Ты не первая, кто ищет ответы в огне. И не последняя. Но помни: некоторые вопросы лучше не задавать, если не готов услышать эхо.

Алиса взяла перо. Оно было тёплым, почти горячим, и на пальцах сразу остался золотой след, сложившийся в спираль — точно такую же, как ожог от конверта.

— Кто вы? — прошептала она, но фигура уже таяла, растворяясь в тумане.

Песок, сыпавшийся из его рукавов, сложился на асфальте в слова: «Улица Зеркал, 13». А через секунду исчез и песок, и туман, и странные дома. Алиса стояла на обычном перекрёстке Невского и Садовой, мимо спешили люди, сигналили машины. В руке она сжимала перо.

Она сунула его в карман и пошла дальше, сама не зная куда. Ноги привели её к арке между круглосуточной аптекой и заброшенным кинотеатром. Над аркой висела вывеска, стилизованная под старинные часы: «Силуэты времени». Ниже мелкими буквами: «Ремонт книг и времени».

Алиса усмехнулась. Ремонт времени — это то, что ей сейчас нужно.

Часть 3. Мастерская «Силуэты времени»

Колокольчик над дверью звякнул сухо, как стук костяшек по дереву. Внутри пахло так, как пахнут только старые вещи — кожей, столярным клеем, табаком, и ещё чем-то сладковатым, похожим на ладан. Алиса остановилась на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Мастерская оказалась больше, чем можно было предположить снаружи. Высокие стеллажи уходили под потолок, заставленные книгами в самых разных переплётках — от потрёпанных бумажных до роскошных кожаных с золотым тиснением. Между книгами стояли странные механизмы: шестерёнки, маятники, циферблаты без стрелок, какие-то приборы, назначения которых Алиса не могла угадать. В углу тикали часы — много часов, все сразу, но каждый в своём ритме, и этот хаос звуков почему-то не раздражал, а успокаивал, создавая особую, только здесь существующую гармонию.

За столом, освещённым зелёной лампой с абажуром из матового стекла, сидел мужчина. Он был сосредоточен на работе: тонкой иглой сшивал рассыпавшиеся страницы старинной книги. Руки его двигались уверенно, почти автоматически, как будто он делал это тысячу раз. Пальцы были в мелких шрамах — следах порезов бумагой. Алиса кашлянула, но он не поднял головы.

— Мы закрыты, — сказал он. Голос был низким и равнодушным, будто он говорил это каждый день сотни раз.

— Я не по делу. Я... — Алиса запнулась, заметив у него на запястье татуировку. Крылатая змея, обвивающая посох. Точно такая же, как на сургучной печати. Сердце ёкнуло, но она заставила себя говорить спокойно: — Я ищу «Божественную комедию». Не читать. Просто... посмотреть.

Мужчина наконец поднял голову. В свете лампы его глаза блеснули странным светом: один — янтарно-карий, как застывшая смола, другой — серый, почти прозрачный, как пепел. Гетерохромия — редкая особенность. Алиса встречала такое только раз в жизни, у одного профессора в университете. Но там разница была едва заметна, а здесь — словно два разных человека смотрели на неё из одной глазницы.

Он смотрел долго, изучающе, и Алиса почувствовала, что он видит больше, чем она готова показать. Будто сканирует не только лицо, но и мысли, и страхи, и тайны.

— Данте? — переспросил он. — Вряд ли он поможет вам с вашим вопросом.

— С чего вы взяли, что у меня есть вопрос?

— С того, как вы смотрите на старые вещи. — Он кивнул на её сумку, из которой торчал угол музейного конверта. — Будто ждёте, что они заговорят. И ещё — у вас на лацкане значок музея, руки в пятнах от химикатов, под ногтями следы грунтовки. Вы реставратор. Реставраторы редко заходят в такие места просто так. Обычно они ищут ответы.

Алиса невольно улыбнулась. Наблюдательность и спокойная уверенность этого человека подкупали.

— Ну, допустим. И что бы, по-вашему, сказал Данте?

Он встал, потянулся за фолиантом на верхнюю полку. Движения были плавными, почти кошачьими — в них чувствовалась та же осторожность, с какой он обращался с книгами. Достал тяжёлый том в кожаном переплёте, окованном медью, протянул Алисе.

— Он бы сказал, что надежду оставляют у входа в ад не потому, что её там нет, а потому что там она только мешает. — Он смотрел, как Алиса берёт книгу. — В ад нужно не надеяться, а видеть. Видеть правду, какой бы горькой она ни была.

Алиса взяла фолиант. Страницы под пальцами были шершавыми, пахли временем и ещё чем-то острым, как будто здесь только что резали не бумагу, а само время. Она открыла наугад — «Ад», песнь третья, знакомая с университета строчка: «*Lasciate ogne speranza, voi ch'intrate*». «Оставьте надежду всяк сюда входящий».

— А я думаю, надежда — это выбор, — тихо сказала она, скорее себе, чем ему. — Идти или не идти дальше. Даже если вокруг огонь.

Мужчина внимательно посмотрел на неё. В его взгляде не было прежнего равнодушия — появился интерес.

— Тогда вы либо очень смелая, либо очень упрямая. — Он протянул руку, чтобы забрать книгу, и на секунду его пальцы коснулись её ладони. Они были холодными, но на коже осталось тёплое золотистое пятнышко — позолота с обложки.

Алиса попыталась стереть его, но пыльца лишь размазалась, сложившись в крошечный рисунок, похожий на созвездие Лиры.

— Простите, — мужчина быстро налил на её ладонь каплю прозрачной жидкости из маленького пузырька. Жидкость пахла спиртом и ещё чем-то пряным. — Это оттиск. Он держится долго. Я иногда забываю, что позолота ещё не закрепилась.

— Что это? — Алиса смотрела, как золото расплывается, но не исчезает, а перестраивается в причудливый узор, который теперь, казалось, светился изнутри.

— След. Будете знать, с кем спорили о Данте. — Впервые за вечер он улыбнулся, и его лицо сразу стало моложе и человечнее, исчезла та отстранённость, которая делала его похожим на статую. — Меня, кстати, Марк зовут. А вас?

— Алиса.

— Как у Кэрролла? Тоже любите попадать в странные места?

— Это место не я выбрала. Оно само меня нашло.

Марк усмехнулся, но ничего не сказал. Вместо этого он жестом пригласил её сесть на высокий табурет у стола, а сам налил кофе из потёртой медной турки в две чашки — одну с изображением феникса, другую с драконом. Протянул Алисе чашку с фениксом.

— Попробуйте. Только осторожно, горячо.

Алиса сделала глоток. Кофе был горьким, с привкусом кардамона и ещё чего-то, напоминающего дым — будто его варили на открытом огне. Но вкус был необычным, глубоким, оставляющим долгое послевкусие.

— Где вы научились так варить кофе? — спросила она.

— В Стамбуле. Я там жил несколько лет, работал в мастерской при мечети, реставрировал древние манускрипты. Турки знают толк в кофе. — Марк отпил из своей чашки. — Но вы не за кофе пришли, Алиса. И не за Данте. Рассказывайте.

Она помолчала, собираясь с мыслями. Потом достала из сумки обугленный конверт и положила на стол перед ним.

— Это нашли в платье, которое я реставрирую. В кармане. Там письма. И вот эта печать.

Марк взял конверт, повертел в руках, поднёс к лампе. Его лицо оставалось спокойным, но Алиса заметила, как дрогнули пальцы.

— Откуда у вас это? — спросил он, и голос его изменился — стал напряжённым.

— Я же сказала: нашла в платье. В музее. Это важно?

— Важно. — Он отложил конверт и посмотрел на неё. — Эта печать — знак Братства Пламени. Вы знаете, что это такое?

— Слышала сегодня от одного человека. Алхимики, переплётчики, верили, что огонь — портал в другие миры.

— Примерно так. Но это не просто легенда. Братство существовало на самом деле. И существует до сих пор. — Марк помолчал. — Я знаю, потому что мой предок был одним из них. Лукас Вандер, переплётчик. Его сожгли в 1824 году за ересь.

Алиса вспомнила дневник купца Ермолаева, который ещё не видела, но о котором говорил Николай.

— А вы? Вы тоже член Братства?

— Нет. Я хранитель. Мой учитель был одним из них, но он ушёл, когда понял, что они ищут не истину, а власть. Он завещал мне хранить знания, но не использовать их. — Марк показал запястье с татуировкой. — Это знак хранителя. Перечёркнутая змея означает, что я не служу им.

Алиса всмотрелась: действительно, змея была перечёркнута тонким шрамом.

— Вы знали человека с такой же татуировкой? — спросил Марк. — Вы вздрогнули, когда увидели её.

— Да. Коста. Он исчез три года назад. У него было такое же кольцо.

Марк кивнул, словно подтверждая свои догадки.

— Возможно, он тоже был связан с Братством. Или они забрали его.

— Забрали? Зачем?

— Люди с особыми способностями — те, кто может видеть сквозь время, читать между строк — нужны им как топливо для их машин. — Марк говорил спокойно, но слова его звучали

жутко. — Братство верит, что время можно переплавлять, как металл. И для этого нужны души.

Алиса почувствовала холодок.

— Это какое-то безумие.

— Возможно. Но в этом безумии есть система. — Марк взял одно из писем, то, с рисунком башни. — Видите эту спираль? Это Хроносфера. Машина времени, которую построил Лукас. Говорят, она может перенести человека в прошлое или будущее. Но только ценой жизни.

— И вы верите в это?

— Я верю в то, что видел своими глазами. — Марк посмотрел на неё долгим взглядом.

— Хотите посмотреть?

Часть 4. Тайны мастерской

Марк встал, подошёл к стене, заставленной книгами, и нажал на корешок одного из фолиантов. С тихим щелчком часть стеллажа отъехала в сторону, открывая проход в небольшую комнату. Алиса заглянула внутрь.

Там было ещё больше странных вещей: на стенах висели старинные гравюры с изображением алхимических символов, на полках стояли банки с разноцветными жидкостями, в углу возвышался скелет какого-то животного с длинными рогами. В центре комнаты на постаменте лежал большой кристалл, внутри которого пульсировал тусклый свет.

— Это кристалл памяти, — пояснил Марк. — Он хранит воспоминания тех, кто работал здесь до меня. Лукаса, его учеников, других хранителей.

Алиса подошла ближе. В глубине кристалла она увидела смутные тени, движущиеся фигуры, обрывки сцен. Одна из теней обернулась, и на секунду ей показалось, что это лицо матери.

— Можно прикоснуться?

— Осторожно. Он горячий.

Алиса протянула руку. Кристалл был тёплым, и как только пальцы коснулись его поверхности, в голове вспыхнули образы: мастерская, залитая огнём, Лукас, стоящий у окна с книгой в руках, тени в плащах, входящие в дверь. Крик, пламя, и потом — тишина.

Она отдернула руку.

— Вы видели его смерть, — сказал Марк. — Кристалл хранит это. Лукас знал, что умрёт, но успел спрятать Хроносферу. Никто не знает где.

— А ключ? — Алиса вспомнила ключ с трезубцем, который ей дал Марк. — Зачем вы дали мне ключ?

— Это ключ от его мастерской. Той самой, где он работал. Она находится в подвале под музеем. Я думал, вам пригодится, если решите искать правду.

— Искать правду? — Алиса усмехнулась. — Я даже не знаю, с чего начать.

— Начните с начала. — Марк указал на кристалл. — Спросите его. Он отвечает только тем, кто готов услышать.

Алиса снова коснулась кристалла. На этот раз она не отдернула руку, а закрыла глаза, позволяя образам течь сквозь неё. Она увидела женщину в платье с аконитами — ту самую, чьё платье реставрировала. София Ермолаева. Она стояла у окна и смотрела на дождь. Рядом был Лукас, он держал её за руку и что-то шептал. Потом сцена сменилась: София одна, в той же комнате, она пишет письмо. На конверте — печать с крылатой змеей.

«Я жду тебя там, где светятся переплёты...» — эти слова возникли в голове, произнесённые голосом Софии.

Алиса открыла глаза.

— Она написала это письмо, — прошептала она. — София. Лукасу.

— Да. — Марк кивнул. — Это было их последнее послание. Лукас погиб, не успев его прочитать. А она... она исчезла. Говорят, сгорела в пожаре, но тела не нашли.

— А платье? Откуда оно в музее?

— Его нашёл купец Ермолаев, муж Софии. Он забрал вещи жены и спрятал в тайнике. Видимо, не смог смотреть на них. А недавно тайник нашли.

Алиса молчала, переваривая услышанное. Все эти истории переплетались, как нити в ткани, которую она реставрировала. Коста, Лукас, София, мать... Где здесь правда, а где вымысел?

— Я должна найти Хроносферу, — сказала она наконец. — Если она существует, она может показать мне, что случилось с Костей.

— Может. Но цена может быть высокой. — Марк посмотрел на неё с тревогой. — Ты готова заплатить?

— Я уже плачу. Три года.

Он кивнул.

— Тогда иди. Ключ у тебя. Дверь в подвале музея — та, что заложена кирпичом. За ней лестница вниз. Будь осторожна.

Часть 5. В подвалах музея

Алиса вернулась в музей поздно вечером, когда все сотрудники уже разошлись. У неё были ключи от всех дверей — за семь лет работы она скопировала почти все. Подвал она знала как свои пять пальцев, но сейчас, спускаясь по знакомым ступеням, чувствовала себя первопроходцем.

Коридор №3, галерея безумия. Портрет купчихи с тремя носами провожал её взглядом, летающие коровы на пейзаже, казалось, шевелились в темноте. Алиса включила фонарик на телефоне и двинулась дальше.

В самом конце коридора была ниша, заваленная старыми ящиками. Николай говорил, что за ней есть дверь. Алиса отодвинула ящики — под ними действительно обнаружилась стена, сложенная из старых кирпичей. Но в одном месте кирпичи были выложены иначе, образуя арку. А в центре арки — замочная скважина.

Алиса достала ключ с трезубцем. Он вошёл в скважину идеально. Она повернула — и внутри стены что-то щёлкнуло. Кирпичи дрогнули, начали медленно раздвигаться, открывая тёмный проём.

Пахнуло сыростью, плесенью и ещё чем-то сладковатым, похожим на ладан. Алиса включила фонарик и шагнула внутрь.

Лестница уходила вниз, ступени были скользкими от плесени. Она спускалась осторожно, держась рукой за стену. Стена была каменной, холодной, с выступающими из неё корнями — откуда здесь корни? Над ними был сад, но деревья там не росли такие большие.

Лестница кончилась, и Алиса оказалась в круглом зале с каменными стенами. В центре возвышалась громада металла — Хроносфера. Она напоминала гигантский часовой механизм, сплетённый с живыми корнями. Шестерёнки, маятники, циферблаты — всё это двигалось, тикало, гудело, создавая низкий вибрирующий звук. От машины исходило тусклое свечение.

Алиса подошла ближе. На панели управления она увидела рычаги и знакомый символ — крылатую змею. А над панелью висело зеркало. В зеркале отражалась... мастерская Марка. Та самая, с книгами и часами. Но Марка в ней не было.

И вдруг из зеркала вытянулась рука и схватила Алису за запястье. Она вскрикнула, но рука держала крепко. В зеркале появилось лицо — Марк, но какой-то другой, старше, с печальными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.